

Для цитирования: Мальцева В. А., Вялых М. А., Мальцев А. А. Внешнеэкономическая составляющая институциональной матрицы России // Журнал экономической теории. — 2019. — Т. 16. — № 4. — С. 849-855

doi 10.31063/2073-6517/2019.16-4.21

УДК 330.341.2, 339.91

JEL N800, N 00

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ РОССИИ¹

В. А. Мальцева, М. А. Вялых, А. А. Мальцев

Данная статья выносит на повестку научной дискуссии вопрос о природе и специфике конфигурации институциональной матрицы России. Авторы оспаривают популярный тезис о «случайном» характере формирования институтов, набирающий популярность в паниституциональной литературе. Отталкиваясь от положений концепции «матрицы Московии», авторы выделяют еще один, пока малоосвещенный компонент институциональной матрицы — паттерн внешнеторговой экспансии. Проявления этого паттерна и создаваемая ими колея во многом предопределили экспансионистско-мобилизационный характер развития экономики России. Авторы приходят к выводу, что данный внешнеторговый паттерн глубоко укоренен в институциональной матрице России, а его проявления по-прежнему представлены в современной российской практике. С точки зрения авторов, трансформация паттерна и порожденной им экспортно-сырьевой модели развития экономики России невозможны без изменения всей институциональной матрицы.

Ключевые слова: внешняя торговля, «матрица Московии», паниституционализм, экспорт, экономическая наука

В чем кроется природа и причина богатства народов? Не будет большим преувеличением сказать, что большая часть современных мейнстримных экономистов ответит на этот смитианский вопрос достаточно однозначно: «во всем виноваты институты». Именно они обеспечивают (или не обеспечивают) защиту собственности, которая создает (или не создает) стимулы для экономического роста. Простота и элегантность подобной схемы в сочетании с возможностью ее интеграции в прокрустово ложе неоклассики с ее предпосылкой о максимизирующем поведении индивида в рамках заданных условий на правах дополнительного ограничения привела к повальному увлечению исследователей институциональной интерпретацией причин хозяйственных успехов и неудач стран мира. Это явление с легкой руки известного российского экономиста Р.И. Капелюшникова получило очень точное название «паниституционализм» (Капелюшников, 2019).

Несмотря на огромную популярность и ряд достоинств (в частности, придание импульса изучению экономической истории) паниституциональный подход² не свободен от целого ряда недостатков. Так, за его

скобками остаются, например, географические и идеологические факторы, влияющие на специфику развития хозяйственных систем. Многие специалисты справедливо обращают внимание на целый ряд неточностей и искажений, допущенных паниституционалистами при интерпретации исторических данных. Нередко паниституционалистов обвиняют и в известной тенденциозности их концептуальных схем. По мнению критиков, в работах паниституционалистов легко читается вывод о том, что склонность к созданию «хороших» институтов, лежащих в основе хозяйственного процветания, характерна лишь для Запада (главным образом, для Британии и ее бывших колоний, унаследовавших ее институциональные традиции), тогда как другие регионы являются оплотом «плохих» институциональных практик, обрекающих их — в лучшем случае — на скоротечные экономические успехи.

Соглашаясь с тем, что подобная ангажированность нередко приводит к известной натянутости построений паниституционалистов, мы, тем не менее, считаем, что главный изъян паниституциональной объяснительной схемы кроется в том, что она не дает четкого ответа на вопрос о том, почему в той или иной стране формируются «хорошие» или «плохие» институты. Более того, складывается впечатление, что паниституционалисты и не пытаются дать это объяснение, зачастую считая создание

¹ © Мальцева В. А., Вялых М. А., Мальцев А. А. Текст. 2019.

² К числу наиболее ярких паниституционалистов обычно относят Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, а также Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вейнгаста. См. подробнее: Капелюшников, 2019.

«хороших» институтов делом случая¹. Читая их труды, действительно трудно отделаться от впечатления, будто попадание страной в «хорошую» или «плохую» институциональную колею становится следствием стечения благоприятных обстоятельств, и наоборот².

Со всем тем, на наш взгляд, при всех недостатках в теоретических схемах панинституционалистов есть несомненно сильная сторона — они демонстрируют значимость первоначального выбора институциональной траектории для последующего развития общества. Но есть ли возможность объединить достоинства панинституционального подхода с учетом различных факторов, влияющих на попадание страны в ту или иную институциональную колею? И можно ли использовать полученную схему для интерпретации специфики социально-экономического развития России?

На наш взгляд, к такого рода теориям относятся различные «матричные» концепции³, отстраивающиеся вокруг тезиса К. Поланьи о необходимости «рассматривать институты не отдельно, а во взаимосвязи» (цит. по: Подшивалова, 2012. С. 16) и подразумевающие под институциональной матрицей совокупность экономических, политических и идеологических институтов, регулирующих функционирование общества (Кирдина-Чэндлер, 2018. С. 78–79). В частности, достаточно любопытной, хотя и не лишенной недостатков⁴, видится концепция «матрицы Московии», восходящей к трудам американского историка Р. Хелли (1937–2009) и получившей наиболее полное раскрытие в трудах современного шведского экономиста С. Хедлунда⁵, выделяющего российскую институциональную модель в особую «матрицу Московии». По мнению ученого, для нее характерны следующие черты: 1) сакральность власти; 2) условные права собственности; 3) сословность; 4) постоянная практика принудительной мобилизации государством ресурсов (Хедлунд, 2015. С. 179–187).

Но что же лежит в основе выбора Россией «московской колеи»? «... Внезапное появление

монгол на сцене, — пишет Хедлунд, — привело к тому, что за несколько коротких лет большая часть Руси была подчинена, а история страны пошла по другой траектории». Эта другая траектория, в частности, выражалась в уходе от близкого западным традициям государственного управления к формированию «системы российской автократии или самодержавия, чье становление шло параллельно с налаживанием связей князей с монголами» (Hedlund, 2005. P. 81). Безусловно, отрицать влияние монгольского завоевания на последующее развитие России невозможно. Однако, как нам представляется, важным последствием нашествия монгол стала не только «порча нравов» (кстати, некоторые крупные специалисты склонны оценивать истернизацию политических институтов Руси как весьма прогрессивный шаг)⁶, но и изоляция Северо-Востока от Юга и Запада Руси, обернувшаяся упадком внешней торговли, выступавшей одним из важнейших факторов развития ранней русской экономики⁷. Последующее стремление правителей Северо-Восточной Руси восстановить контроль над утраченными и обрести новые каналы экспорта и импорта во многом предопределили экспансионистско-мобилизационный характер развития российских общественных институтов.

Как известно, монгольское нашествие привело к разрыву внешнеэкономических связей Руси как с западными, так и южными соседями. Например, Северо-Восток Руси оказался практически полностью изолирован от черноморской торговли. Конечно, во второй половине XIII столетия нормализация отношений с Ордой позволила восстановить волжский торговый путь, а торговля с Западом через Новгород и вовсе не прекращалась, но в целом международное положение русских земель в ходе монгольского завоевания значительно ухудшилось (Каргалов, 1967. С. 208–210). В особенно непростой ситуации оказалось Владимиро-Суздальское княжество, которое от Балтики отделяли земли Новгорода, а от волжского торгового пути — Орда. Неудивительно, что московские князья, выигравшие в борьбе за объединение русских земель, всячески пытались преодолеть эту географическую изолированность. Как замечает Й. Валлерстайн, они были весьма заинтересованы в наращивании

¹ См. подробнее: Арсланов, 2016.

² См. подробнее: Щербак, 2017.

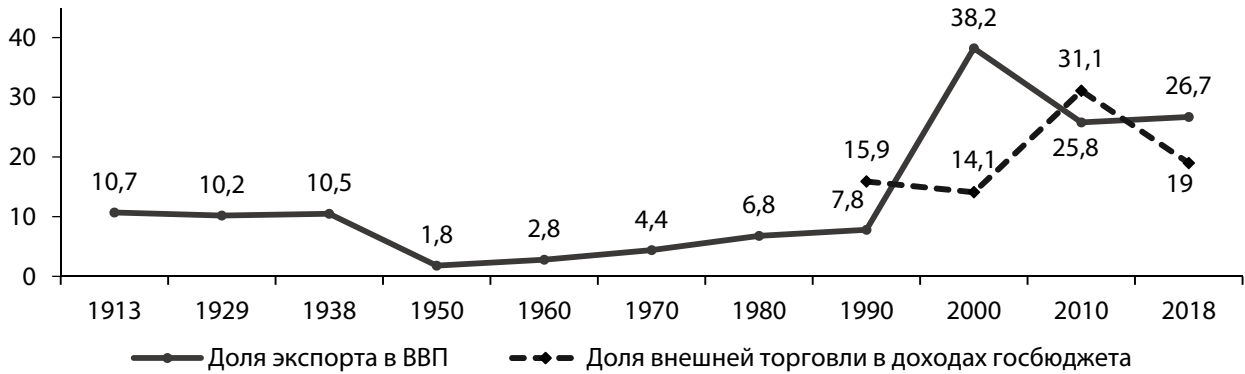
³ См. подробнее, например: «Русская матрица» или цивилизационная развилка [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-matritsa-ili-tsivilizatsionnaya-razvilka>.

⁴ См., например: Травин, 2015. С. 21–22.

⁵ См. подробнее: Zaostrovstev A. (2015). Why Russians Prefer Expansion to Consumption and Autocracy to Democracy? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/11/06/1078984529/Zaostrovstevtext.pdf>.

⁶ См., например: Нефедов, 2006.

⁷ См. подробнее, например: Вернадский Г. В. Киевская Русь [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv205.htm>.

Примечание: данные за 1913–1990 гг. представлены для России в современных границах.

Рис. 1. Вклад внешней торговли в экономику России, % (составлено по: Королев, 2003. С. 60; см.: <https://data.worldbank.org>; *Российские реформы в цифрах и фактах*; <http://refru.ru/budgets.pdf>; *Исполнение федерального бюджета, 2019*)

внешней торговли, сулящей им не только «таможенные сборы, но и возможности сбыта огромного количества натуральных товаров, стекавшихся к ним от их крестьян» (Wallerstein, 2011. Р. 317).

На наш взгляд, этот малоисследованный сюжет — паттерн наращивания внешней торговли, усилия по преодолению изоляции — удачно дополняет описание причин своеобразия институциональной матрицы России. Разумеется, детальное его рассмотрение потребует отдельного монографического по своему объему исследования, над которым должны трудиться представители разных социальных наук. Кроме того, сразу подчеркнем, что наши соображения не претендуют на статус некой теории, а являются лишь гипотезой, призванной разбавить хор голосов, утверждающих, будто бы во всех невзгодах России виновны «неправильная» культура и «случайно» появившиеся «плохие» институты.

Но почему этот паттерн так врос в институциональную матрицу России и, в конечном итоге, усиливает эффект колеи?

Во-первых, торговля на всех исторических рубежах играла исключительную роль в хозяйственной и политической жизни России, став триггером зарождения городской экономики и важнейшим источником поступлений в казну¹ (рис. 1). Особенно важно, что развитие внешней торговли опосредовало и даже опережало общехозяйственное развитие. Так, по мнению исследователей, в допетровскую эпоху в стране фактически отсутствовали зачатки промышленного капитализма, тогда как торговый,

напротив, получил весьма заметное развитие (Гладков, 2012). Плюс нельзя сбрасывать со счетов другую причину экспансионистской модели внешней торговли — необходимость покрывать военные расходы. Так, с XVIII в. оборонные расходы в структуре государственного бюджета редко опускались ниже 30 %, а в конце XVII в. и вовсе колебались в диапазоне 50–90 % (Шкаратан и др., 2015. С. 114).

В итоге, успех во внешней торговле можно рассматривать не как следствие экономического развития, а как его основополагающий фактор, где экспорт выступает «оплатой» хозяйственного развития через импортируемые технологии и товары. Это касается не только меркантилистского этапа в имперский период, когда экспорт стимулировал накопление капитала, а получаемые доходы от экспорта реинвестировались в промышленное становление отдельных отраслей хозяйства. Эта модель «службы» внешней торговли на благо народного хозяйства работала даже в автаркичном СССР 1930-х гг., когда массивный экспорт считался вынужденной мерой для оплаты импортируемого оборудования для подъема собственной промышленности и ускоренной индустриализации (Кагарлицкий, 2004).

Во-вторых, в основе экспансионистской модели внешней торговли России лежит формула «сырье в обмен на технологии и готовую продукцию». Реализация этой модели запускает порочный круг, в котором сырьевая структура экспорта эксплуатирует институциональную специфику государственного патронажа и монополизации естественных ресурсов (Шкаратан и др., 2015. С. 121).

Эта сырьевая модель прослеживается на всем протяжении развития российской экономики (рис. 2), она институционализировала

¹ См. например: Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций [Электронный ресурс]. URL: http://rtunes.ru/content/ebooks/free_ebooks/vasily_klyuchevsky/russian_history_full_course_of_lectures/russian_history_full_course_of_lectures.a4.pdf.

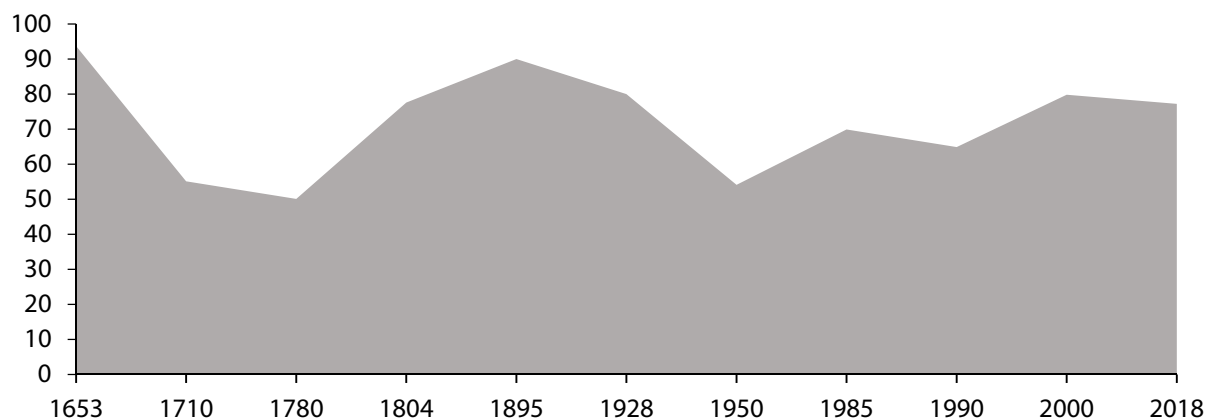

Рис. 2. Доля сырья и полуфабрикатов (в т. ч. продовольствия) в экспорте России, % (составлено по: Томпстон, 2008; Валетов, 2017; Таможенная статистика внешней торговли. ФТС России [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.customs.ru>)

модус внешнеэкономического сотрудничества России с передовыми странами, выступающими потребителями сырьевой продукции для развития собственных отраслей и поставщиками готовой продукции и технологий для догоняющих стран (Кагарлицкий, Сергеев, 2014). В итоге Россия на протяжении всей истории, за исключением нескольких относительно коротких периодов, являлась поставщиком сырья для ремесленной (воск, лен, меха, кожа), а позже промышленной продукции (лес, пенька, зерно, энергоресурсы, металлы) передовых стран (от Византии до ранних индустриальных стран Европы и современных Китая и ЕС).

Другой порок этой модели — ее неустойчивость перед лицом меняющегося спроса на сырьевые ресурсы у стран-лидеров. Подобная печальная участь, к примеру, настигла один из важнейших российских экспортных товаров XVIII в. — свечное сало, активно экспортировавшееся в Старый Свет и, особенно, на туманный Альбион. Основной причиной этого стала не только возросшая конкуренция со стороны заокеанских производителей, но и технологические новшества, способствовавшие началу использования керосина и угольного газа в качестве осветительного топлива. В результате единственным рынком для данной продукции к концу XIX в. оставалась лишь Турция (Гладков, 2012). Сегодня эта уязвимость снова становится как никогда актуальной ввиду трансформации глобального спроса на сырье-

вые ресурсы и геополитической турбулентности.

Таким образом, паттерн активного наращивания внешней торговли и стремления к преодолению изоляции, получению выхода на крупные рынки проходит красной нитью по всей хозяйственной истории России и глубоко укоренился в ее институциональной матрице. Многие элементы «матрицы Московии», появившиеся более 500 лет назад, по-прежнему встречаются в современной России. Вновь оказавшийся на политической повестке вопрос о трансформации модели внешнеторгового сотрудничества не случайно создает ощущение deja vu и вызывает столь слабый оптимизм — изменение структуры торговли подразумевает изменение всей институциональной матрицы. Это в очередной раз подчеркивает важность изучения эффектов колеи и понимания факторов, лежащих в основе выбора странами мира той или иной институциональной траектории. Не поняв эти причины, едва ли удастся выработать сколько-нибудь успешные программы социально-экономического развития. Поэтому появление новых, пусть даже и самых необычных гипотез, пытающихся пролить свет на факторы, обуславливающие выбор обществом того или иного набора институтов, можно только приветствовать. Только это и может послужить альтернативой активно пропагандируемому, но весьма спорному тезису о случайном характере появления институтов.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00056.

Список источников

Арсланов В. В. «Инклюзивные институты» — основной фактор устойчивого роста? Статья 2 // Общественные науки и современность. — 2016. — № 5. — С. 49–62.

- Валетов Т. Я. Структура экспорта Российской империи по ежегодникам внешней торговли 1802–1915 гг. // История. — 2017. — Вып. 7 (61). — Том 8 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/data/Valetov_ENOJ2017.pdf.
- Гладков И. С. Внешняя торговля России: ретроспективный анализ и современность. — М.: Институт Европы РАН, Рус. сувенир, 2012.
- Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2018 год. — М.: Министерство финансов РФ, 2019.
- Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. — М.: Ультра; Культура, 2004.
- Кагарлицкий Б. Ю., Сергеев В. Н. История России: миросистемный анализ. — М.: Ленанд, 2014.
- Капелюшников Р. И. Contra паниституционализм. Часть I // Вопросы экономики. — 2019. — № 7. — С. 119–146.
- Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. — М.: Высшая школа, 1967.
- Кирдина-Чэндлер С. Г. Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве // Вопросы теоретической экономики. — 2018. — № 1. — С. 73–88.
- Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет // под ред. Королева И. С. — М.: Экономистъ, 2003.
- Нефедов С. А. Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // Вопросы истории. — 2006. — № 2. — С. 113–123.
- Подшивалова М. В. Структурный дисбаланс институциональной системы России как фактор стагнации развития малого предпринимательства // Вестник ЮУрГУ. — 2012. — № 44. — С. 16–22.
- Травин Д. Теории особого пути России: классики и современники: препринт М-43/15. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Томпстон С. Р. Российская внешняя торговля XIX — начала XX в. Организация и финансирование. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.
- Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.
- Россия как цивилизация: материалы к размышлению // Под ред. Шкаратан О. И., Лексин В. Н., Ястребов Г. А. — М.: Редакция журнала «Мир России», 2015.
- Щербак А. Н. Как происходит изначальный выбор институтов? Критика концепции «случайности развития» и структурный подход // Общественные науки и современность. — 2017. — № 5. — С. 147–162.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // The American Economic Review. — 2001. — Vol. 91. — No. 5. — P. 1369–1401.
- Fukuyama F. Development and the Limits of Institutional Design / Dinelo N., Popov V. (Eds.). Political Institutions and Development. — Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2007.
- Hedlund S. Russian Path Dependence. — L., N.Y.: Routledge, 2005.
- Wallerstein I. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. — Berkley, L., N.Y.: University of California Press, 2011.

Информация об авторах

Мальцева Вера Андреевна — кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник Центра развития навыков и профессионального образования Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация; e-mail: vamaltseva@hse.ru).

Вялых Мария Александровна — лаборант кафедры мировой экономики, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: maria.vyalykh@gmail.com).

Мальцев Александр Андреевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, Уральский государственный экономический университет; ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; докторант CRIISEA Университета Пикардии им. Жюль Верна (Екатеринбург, Российская Федерация; Амьен, Франция; e-mail: almaltzev@mail.ru).

For citation: Maltseva, V. A., Vyalykh, M. A., & Maltsev, Al. A. (2019). Foreign Trade Component of the Russian Institutional Matrix. Zhurnal ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory], 16(4), 849–855

V. A. Maltseva, M. A. Vyalykh, Al. A. Maltsev

Foreign Trade Component of the Russian Institutional Matrix

This paper raises the issues of the nature and the specificity of configuration of Russia's institutional matrix. The authors dispute the widely held view of the "occasional" nature of the institutional choice. Within the framework of the matrix of Muscovy concept, the authors determined one more, element of the Russian institutional matrix — the pattern of foreign trade expansion, which is yet understudied. The manifestations of this pattern and resulting path dependence have largely shaped the expansionist mobilization system of the Russian economic development. The authors believe that this pattern has deeply rooted in the Russian institutional matrix, and its manifestations are still present. The change of this pattern and associated raw-exports-driven model calls for transforming the entire institutional matrix.

Keywords: foreign trade, matrix of Muscovy, pan-institutionalism, exports, economic science

Acknowledgements

The article has been supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-010-00056.

References

- Arslanov, V. V. (2016). «Inklyuzivnye instituty» — osnovnoy faktor ustoychivogo rosta? Stat'ya 2 [“Inclusive institutions” — the main factor of sustainable growth?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 5, 49–62. (In Russ.)
- Valetov, T. Ya. (2017). Struktura eksporta Rossiyskoy imperii po ezhegodnikam vneshney trgovli 1802—1915 gg. [The structure of exports of the Russian Empire according to the yearbooks of foreign trade of 1802–1915]. *Istoriya* [History], 7(61), Vol. 8, available at: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/data/Valetov_ENOJ2017.pdf (In Russ.)
- Gladkov, I. S. (2012). *Vneshnyaya trgovlya Rossii: retrospektivnyy analiz i sovremennost'* [Russian foreign trade: a retrospective analysis and the present]. Moscow, Russia: Institut Evropy RAN, Rus. souvenir. (In Russ.)
- Ispolnenie federal'nogo byudzheta i byudzhetov byudzhetnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii za 2018 god* [Execution of the federal budget and budgets of the budget system of the Russian Federation for 2018] (2019). Moscow: Ministerstvo finansov RF. (In Russ.)
- Kagarlitskiy, B. Yu. (2004). *Periferiyaya imperiya. Rossiya i mirosistema* [Peripheral empire. Russia and the world system]. Moscow, Russia: Ul'tra; Kul'tura. (In Russ.)
- Kagarlitskiy, B. Yu., & Sergeev V. N. (2014). *Istoriya Rossii: mirosistemnyy analiz* [History of Russia: World-System Analysis]. Moscow, Russia: Lenand. (In Russ.)
- Kapelyushnikov, R. I. (2019). Contra paninstitucionalizm. Chast' I [Contra pan-institutionalism. Part I]. *Voprosy ekonomiki*. [Issues of the economy], 7, 119–146. (In Russ.)
- Kargalov, V. V. (1967). *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi* [Foreign policy factors of the development of feudal Russia], Moscow, Russia: Vysshaya shkola. (In Russ.)
- Kirdina-Chendler, S. G. (2018). Zapadnye i ne-zapadnye institucional'nye modeli vo vremeni i prostranstve [Western and non-Western institutional models in time and space]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Questions of the theoretical economics], 1, 73–88. (In Russ.)
- Korolev, I. S. (Eds.). (2003). *Mirovaya ekonomika: global'nye tendencii za 100 let* [Global economy: global trends for 100 years]. Moscow, Russia: Ekonomist. (In Russ.)
- Nefedov, S. A. (2006). Mongol'skie zavoevaniya i formirovanie rossiyskoy civilizatsii [Mongol conquests and the formation of the Russian civilization]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2, 113–123. (In Russ.)
- Podshivalova, M. V. (2012). Strukturny disbalans institucional'noy sistemy Rossii kak faktor stagnatsii razvitiya malogo predprinimatel'stva [Structural imbalance in the institutional system of Russia as a factor in the stagnation of small business development]. *Vestnik YuUrGU* [Bulletin of South Ural State University], 44, 16–22. (In Russ.)
- Tompston, S. R. (2008). *Rossiyskaya vneshnyaya trgovlya XIX — nachala XX v. Organizatsiya i finansirovanie* [Russian foreign trade of the 19th — early 20th centuries Organization and financing]. Moscow, Russia: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)
- Travin, D. (2015). *Teorii osobogo puti Rossii: klassiki i sovremenniki* [Theories of Russia's Special Path: Classics and Contemporaries]. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Hedlund, S. (2015). *Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshhestvennaya nauka. Sposoby obyasneniya sistemnogo* [Invisible hands, Russian experience and social science. Ways to Explain Systemic]. Moscow, Russia: Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Shkaratan, O. I., Leksin, V. N., & Yastrebov, G. A. (2015). *Rossiya kak civilizatsiya: materialy k razmyshleniyu* [Russia as a civilization: materials for reflection]. Moscow, Russia: Redaktsiya zhurnala «Mir Rossii». (In Russ.)
- Shherbak, A. N. (2017). Kak proishodit iznachal'ny vybor institutov? Kritika koncepcii «sluchaynosti razvitiya» i strukturny podhod [How is the initial choice of institutions? Criticism of the concept of «randomness of development» and the structural approach]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 5, 147–162. (In Russ.)
- Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A. (2001). The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *The American Economic Review*, 91(5), 1369–1401.
- Fukuyama, F. (2007). Development and the Limits of Institutional Design. In Dinelo N., Popov V. (Eds.). *Political Institutions and Development*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar.
- Hedlund, S. (2005). *Russian Path Dependence*. L. N.Y.: Routledge.
- Wallerstein, I. (2011). *The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. Berkley, L., N.Y.: University of California Press.

Authors

Vera Andreevna Maltseva — PhD in Economics, Associate Professor, Research Associate, Centre for the Development of Skills and Professional Education, Institute of Education, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation; e-mail: vamaltseva@hse.ru).

Maria Aleksandrovna Vyalykh — Research Assistant, Department of World Economy, Ural State Economic University (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: maria.vyalykh@gmail.com).

Alexander Andreevich Maltsev — Doctor of Economics, Professor, Department of World Economy, Ural State Economic University; Lead Research Associate, Institute of Economics, Ural Branch Russian Academy of Sciences (UB RAS); CRIISEA Doctoral Candidate, University of Picardy Jules Verne (Ekaterinburg, Russian Federation; Amiens, France; e-mail: almalzev@mail.ru).